

Арест на имущество может быть наложен органом уголовного преследования, принявшим решение о применении этой меры процессуального принуждения, либо исполнение постановления о наложении ареста на имущество может быть поручено другому органу уголовного преследования. Если решение о наложении ареста на имущество принимает суд, то его реализация осуществляется органом принудительного исполнения уже за рамками уголовного процесса.

В предусмотренных УПК случаях для наложения ареста на имущество требуется санкция прокурора или его заместителя (ч. 2, 5, 6 ст. 132 УПК).

Уголовный процесс многих стран включает в себя форму судебного контроля за принятием процессуального решения о наложении ареста на имущество. Приведем несколько примеров. В соответствии с ч. 1 ст. 115 УПК Российской Федерации следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора возбуждает перед судом ходатайство о наложении ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия. Суд рассматривает ходатайство и при решении вопроса о наложении ареста на имущество должен указать на конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых он принял такое решение, а также установить ограничения, связанные с владением, пользованием, распоряжением арестованным имуществом. Согласно ст. 170–173 УПК Украины арест на имущество может быть наложен судом или следственным судьей, к которым с соответствующим ходатайством могут обратиться следователь по согласованию с прокурором, прокурор, а с целью обеспечения гражданского иска – также гражданский истец. Исключительное право на принятие процессуального решения о наложении ареста на имущество принадлежит суду и в Грузии (ч. 1, 3 ст. 151 УПК Грузии). В то же время уголовно-процессуальные законы этих стран предусматривают процедуру наложения ареста на имущество по постановлению следователя (дознателя), прокурора, решению директора Национального антикоррупционного бюро Украины (или его заместителя), согласованному с прокурором, без получения судебного решения, но только в исключительных случаях, которые не терпят отлагательства. При этом законность процедуры проверяется судом уже после фактического наложения ареста (ч. 5 ст. 165 УПК Российской Федерации; ч. 9 ст. 170 УПК Украины; ч. 1, 2 ст. 155 УПК Грузии).

По нашему мнению, такой подход является контрпродуктивным. Во-первых, в нем наблюдается подмена функции прокурорского надзора, что противоречит ст. 125, 127 Конституции Республики Беларусь. Во-вторых, он усложняет, бюрократизирует уголовно-процессуальную форму, возлагает дополнительную нагрузку на судебную систему в целом, а в частности на судей. И, в-третьих, влияет на неотложность наложения ареста на имущество, снижая ее оперативность. Более того, указанный подход может создавать причины и условия возникновения коррупционных проявлений среди работников судов (разглашение информации о запланированном проведении ареста имущества, принятие «выгодного» решения об отклонении соответствующего ходатайства и др.). Генеральным аргументом служит мнение респондентов. Против процедуры наложения ареста на имущество по судебному решению высказались 76,2 % опрошенных судей, 92,9 % прокуроров, 73,2 % следователей и 78,9 % сотрудников органов дознания.

УДК 343.1

А.М. Ибрагимова

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ОБЖАЛОВАНИИ РОССИИ

В российской правоприменительной практике долгое время обсуждалась возможность использования электронных документов, направления электронных жалоб, ходатайств, представлений компетентным органам и должностным лицам в уголовном судопроизводстве на досудебной стадии. Несмотря на активное внедрение информационных технологий в деятельность органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, четко налаженного алгоритма направления, получения, регистрации и ответа на такие жалобы, ходатайства, представления не имелось.

Такое положение дел существенно отражалось на возможности эффективного и упрощенного взаимодействия участников уголовного судопроизводства с компетентными органами и должностными лицами. В частности, при направлении электронной жалобы, ходатайства, представления компетентному органу или должностному лицу отсутствовала возможность проверить получение последним такой жалобы, ходатайства, представления и обжаловать бездействие компетентного органа или должностного лица в случае неполучения ответа либо решение при несогласии с разрешением жалобы, ходатайства, представления. Уголовно-процессуальное законодательство не содержало права подачи электронной жалобы, ходатайства, представления и корреспондирующую такой возможности обязанность рассматривать поступившие в электронной форме жалобу, ходатайство, представления.

Кроме того, несмотря на активное использование информационных технологий, систем, их разнообразие не позволяло унифицировать работу с электронными жалобами, ходатайствами, представлениями в уголовном судопроизводстве и негативно сказывалось на построении слаженной работы в условиях необходимости рассмотрения и разрешения некоторых из них, в частности жалоб, в сжатые сроки.

Потребности, существовавшие в правоприменительной практике, дали жизнь новой законодательной инициативе со стороны сенаторов РФ А.Д. Артамонова, С.Н. Рябухина, В.В. Полетаева и депутатов Государственной Думы РФ М.А. Топилина, Д.В. Бессарабова.

Согласно рекомендуемым изменениям предлагалось дополнить УПК РФ ст. 474.2 «Порядок использования электронных документов в ходе досудебного производства». Ранее в УПК РФ содержалась такого рода ст. 474.1 УПК РФ, касающаяся использования электронных документов в ходе судебного производства.

Тем самым впервые в российском уголовном судопроизводстве как на судебной, так и на досудебной стадиях получило закрепление право подачи электронных жалоб, ходатайств, представлений, заявлений, за исключением заявления, содержащего сообщение о преступлении, а также при наличии в указанных документах сведений, составляющих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, затрагивающих безопасность государства, права и законные интересы несовершеннолетних, или сведений о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы личности. Законодатель при этом классифицирует уголовно-процессуальные ходатайства в зависимости от используемой при его изготовлении электронной подписи на ходатайства, подписываемые усиленной квалифицированной подписью; ходатайства, подписываемые простой электронной подписью. К последним разработчики предлагают отнести ходатайства об ознакомлении с материалами уголовного дела, о получении копий процессуальных документов, об участии в следственных и иных процессуальных действиях.

В то же время возможность использования простой электронной подписи при подаче уголовно-процессуальных жалоб, представлений, заявлений, не относящихся к таковым, указанным в ст. 141 УПК РФ, отсутствует.

Такая конструкция, на наш взгляд, связана с характером требования, содержащегося в таких ходатайствах, подписываемых простой электронной подписью, их перспективностью, направленностью на будущее, содержанием просьбы. В отличие от них уголовно-процессуальные жалобы, представления, как и ходатайства, содержащие в себе требования, вытекающие из несогласия с существующим положением дел, носят ретроспективный характер, направлены на оценку законности и обоснованности состоявшихся действий, решений, бездействия. В связи с этим повышается потребность в усилении позитивной ответственности лица за приносимые жалобы, представления, ходатайства, содержащие несогласие с состоявшимися действиями, решениями, бездействием, и требует использования усиленной квалифицированной электронной подписи.

Внедрение в правовое регулирование приведенной нормы следует отнести к позитивным изменениям. Закрепление права на электронное обращение порождает и обязанность компетентных должностных лиц и органов принимать, рассматривать и разрешать поступившие электронные жалобы, представления, ходатайства, заявления.

Следовательно, к предмету уголовно-процессуального обжалования можно отнести новый вид действий (бездействия) и решений – в связи с ненадлежащим рассмотрением (разрешением) либо нерассмотрением (неразрешением) электронных уголовно-процессуальных жалоб, ходатайств, представлений, заявлений.

Указанное новшество имеет существенное значение не только для теории уголовно-процессуального права, но и для правоприменительной практики, так как ранее отсутствие законодательной регламентации алгоритма работы с электронными жалобами, представлениями, ходатайствами создавало:

практику безответственности компетентных органов и должностных лиц за нерассмотрение (неразрешение) таких жалоб, представлений, ходатайств;

необходимость дублирования электронного уголовно-процессуального обращения на бумажном носителе, что порождало существенные затраты времени и ресурсов;

необходимость подготовки ответов на бумажном и электронном носителях при наличии дублирующих друг друга на бумажном и электронном носителях уголовно-процессуальных обращений.

На наш взгляд, заполнение пробела в правовом регулировании внесением предлагаемых норм о порядке работе с электронными уголовно-процессуальными обращениями решит перечисленные проблемы и будет способствовать совершенствованию, ускорению и упрощению взаимодействия между компетентными органами, должностными лицами и субъектами подачи уголовно-процессуальных обращений в уголовном судопроизводстве.

УДК 343.7

П.А. Кононов

ОСОБЕННОСТИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ПОЛУЧЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНО ОТОБРАЖАЕМОЙ И ЦИФРОВОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ

В течение длительного времени на практике, а вследствие этого и в науке доминировал подход о том, что криминалистически значимая информация может быть материально отображаемой и вербальной. В этом контексте наиболее полной и соответствующей ей классификацией следственных действий выглядела предлагаемая Д.С. Жижняком, которая включала в себя вербальные, невербальные, смешанные и направленные на получение виртуальной (предполагаемой) информации. Однако в последнее десятилетие вполне очевидной стала необходимость корректировки данного подхода с учетом стремительного развития цифровых технологий, их активного внедрения во все процессы жизнедеятельности социума. В этой связи нами полностью разделяется высказываемое в науке предложение об обоснованности и целесообразности рассматривать систему криминалистически значимой информации как состоящую из трех составляющих: материально отображаемой, вербальной и цифровой информации.

В то же время справедливо считать, что не вполне обоснованно проведение жесткой градации следственных действий на соответствующие группы в зависимости от того, на получение какой информации они ориентированы, поскольку в процессе их производства может быть получена криминалистически значимая информация нескольких видов. Неслучайно С.Б. Рос-